

Серия «Фантастика. Русский путь»

К 80-летию Великой Победы

**ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ, ЕВГЕНИЙ ШИКОВ, ЮЛИЯ ЗОНИС,
ГЕРБЕРТ УЭЛЛС, ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН
и многие другие**

Битва за будущее

Ростов-на-Дону

2026

УДК 821-312.9
ББК 84(0)6-445.1
КТК 650
Б66

В тексте книги использованы переводы
с английского и французского
Игоря Абакумова и Айзека Бромберга

Художественное оформление Марии Фроловой

Б66 Битва за будущее : [повести и рассказы]. — Ростов н/Д : Феникс,
2026. — 475 с. : ил. — (Фантастика. Русский путь).

ISBN 978-5-222-44685-0

Много лет назад отгремела великая война, которая навсегда изменила облик мира, разделив историю человечества на до и после. Отзвуки ее до сих пор отдаются эхом в Вечности. К ней в своих произведениях обращаются поэты, кинематографисты и музыканты, не смогли пройти мимо и писатели-фантасты. Силой своего воображения они воссоздали события и героев, которых не было в реальности, но в существование которых так легко поверить. Альтернативная история, фантастическое супероружие, сверхъестественные события и невероятные подвиги, органично вплетенные в полотно реальных событий. Признанные мастера отечественной фантастики Владимир Васильев и Юлия Зонис, талантливые молодые авторы Евгений Шиков и Сергей Игнатъев, а также прославленные классики мировой литературы Герберт Уэллс и Гилберт Честертон встретились на страницах этого сборника. 80-летию Великой Победы посвящается.

УДК 821-312.9
ББК 84(0)6-445.1

ISBN 978-5-222-44685-0

© Авторы, 2025
© Иллюстрации, форзацы
и дизайн обложки: Фролова М., 2025
© Оформление: ООО «Феникс», 2025
© В оформлении книги использованы
иллюстрации по лицензии
Shutterstock.com

НАШИ ПАВШИЕ —
КАК ЧАСОВЫЕ

Ника Батхен

ОГОНЬ!

— Стреляй! Стреляй, Андреич! Уйдет ведь фриц! — хриплый голос ведомого поднял Кожухова с койки, бросил в пот. Ладони дернуло болью, словно под ними снова был раскаленный металл пулемета... Лучше б так: в самолете на два шага от смерти, но вместе. Чтобы Илюха опять был жив. Но юркий Як с двумя звездами на фюзеляже рухнул в поле под Бельцами, а товарищ старший лейтенант Плоткин не успел раскрыть парашют.

Или не сумел: Кожухов видел, как друга мотнуло в воздухе, приложив головой о хвостовую лопасть. Клятый «мессер» уходил к Пруту оскорбительно медленно, но патроны кончились, и топлива оставалось впритык. Скрипя зубами, сплевывая проклятия, Кожухов развернул Як на базу. Он доложил командиру, сам написал письмо матери, выпил с парнями за упокой души — и которую ночь подряд просыпался с криком. Тоска томила угрюмого летчика, разьедала душу, как кислота.

— Приснилось что, Костя? — сосед справа, молодой лейтенант Марцинкевич, приподнялся на локте, чиркнул зажигалкой, освещая комнату. — Может, водички дать?

— Пустое, — пробормотал Кожухов. — Не поможет. Душно что-то, я на воздух.

Он поднялся и как был босиком, в подштанниках и нательной рубашке вышел вон — глотнуть сладкой, густой, словно кисель, молдавской ночи. Где-то неподалеку был сад, пахло яблоками, и мирный, доверчивый этот

запах совершенно не подходил к острой вони железа и керосина. Кожухов подумал, что в Москве только-только поспели вишни. В тридцать девятом, когда Тася носила Юленьку, она до самых родов просила вишен, а их было не достать ни за какие деньги. Потом она трудно кормила, доктор запретил ей красные ягоды. Бедняжка Тася так ждала лета, Кожухов в шутку обещал ей, что скупит весь рынок, — и ушел на фронт раньше, чем созрели новые ягоды. Левушка родился уже без него, в эвакуации, в деревенской избе. Он знал сына только по фотографии и письмам испуганной жены: ей, коренной москвичке, был дик крестьянский быт. И помочь нечем. Кожухов оформил жене аттестат, раз в два месяца собирал деньги, но от одной мысли, что она, такая хрупкая и беззащитная, рубит дрова, таскает мешки с мукой и плачет от того, что по ночам волки бродят по темным улицам деревушки, у него опускались руки. У Илюхи жены не было, только мать и сестра в Калуге, но друг воевал с непонятной яростью, словно один мстил за всех убитых. «А они наших женщин щадят? — кричал он в столовой и грохал по столу кулаком. — Детей жгут, стариков вешают ни за что — пусть подохнут, суки проклятые!» Сам Кожухов воевал спокойно, так же спокойно, как до войны готовил курсантов в авиашколе. И до недавнего времени не ощущал гнева: может быть, потому, что потери проходили мимо...

— Не нравишься ты мне, приятель! — настырный Марцинкевич прикрыл дверь и остановился рядом с товарищем, неторопливо скручивая сигарку. — Которую ночь не спишь, орешь. С лица спал, глаза ввалились, от еды нос воротить.

— Ну уж... — неопределенно буркнул Кожухов.

— Сам видел: идешь из столовой и то котлету Кучеру кинешь, то косточку с мясом, а он, дурень собачий, радуется. — Марцинкевич затянулся и выпустил изо рта белесое колечко дыма.

— А тебе-то, Адам, что за дело — сплю я или не сплю? К девкам своим в душу заглядывай, а меня не трожь, — огрызнулся Кожухов.

Выстрел попал в цель — Марцинкевич поморщился. Статный зеленоглазый поляк, как магнитом, притягивал женщин — подавальщиц, парашютоукладчиц, связисток — и немало страдал от их ревности и любви.

— Мне-то все равно. А вот эскадрилье худо придется, если ты с недосыпу или со злости носом в землю влетишь. Сколько у нас «стариков» осталось? Ты да я, Мубаракшин, Гавриш и Петро Кожедуб. И майор. Остальные — мальчишки, зелень. Погибнут раньше, чем научатся воевать. Ты о них хоть подумал, Печорин недобитый?

Гнев поднялся мутной водой и тотчас схлынул. Кожухов отвернулся к стене, сжал тяжелые кулаки:

— Тошно мне. Как Илюху убили — места себе найти не могу. Так бы и мстил фрицам, живьем бы на куски изорвал. Думаю: поднять бы машину повыше и об вагоны ее на станции в Яссах, чтобы кровью умылись гады за Плоткина за нашего.

— Та-а-ак, — задумчиво протянул Марцинкевич. — Плохо дело. Хотя... есть одно средство. Скажи, ты ведь вчера второй «мессер» уговорил?

— Уговоришь его, как же, — ухмыльнулся Кожухов. — Он в пике вошел, а выйти — вот досада какая — не получилось.

Марцинкевич повернул голову, прислушиваясь к далеким раскатам взрыва, потом как-то странно, оценивающе взглянул на Кожухова:

— Айда со мной к замполиту, получишь фронтовые сто грамм.

— Непьющий я, Адам, — покачал головой Кожухов и зевнул.

До рассвета оставалось часа полтора, сон вернулся и властно наполнил о себе.

— Знаю, Костя, что ты непьющий. Но без ста грамм не обойтись: тоска сожрет живо. А у нас, летчиков, первое дело — чтобы душа летала. Оденься и пошли.

В чудом уцелевшем каменном здании старой постройки, при немцах переоборудованном в казарму, было жарко от человеческого дыхания. Товарищи спали тихо, Кожухову тоже захотелось завернуться в колючее серое одеяло, но он натянул форму и вернулся к лейтенанту. Тот не глядя махнул рукой, шагнул в ночь. Зябко поводя плечами, Кожухов двинулся следом, мимо взлетного поля, на котором едва угадывались самолеты. Колыхались над головами звезды, похожие на белые косточки красных вишен, шуршал и хлопал брезент, щебетали сонные птицы, какая-то парочка со смехом возилась в кустах. Девичий голос показался знакомым — кучерявая смешливая щебетунья из столовой аэродрома, то ли Марыля, то ли Марьяна. Почему-то Кожухову стало неприятно.

Плосколицый, безусый, толстый, как баба, особист встретил поздних гостей хмуро. Он вообще был нелюдимом, ничьей дружбы не искал, и к нему особо никто не тянулся: опасались, и не без причины. Слишком легко могла решиться судьба от пары-тройки не к месту сказанных слов. Впрочем, доносчиков в эскадрильях не водилось, да и сам особист сволочью не был, не давил парней зря. Так, шурился из-под очков, словно в душу смотрел. На молодцеватое «Здравия желаю, товарищ капитан» он вяло махнул рукой: мол, вольно. Сел на койке, почесал потную грудь — ждал, что скажут бравые летчики, зачем подняли.

— Докладываю, товарищ капитан, — вытянулся Марцинкевич, — старшему лейтенанту Кожухову полагаются фронтовые сто грамм. «Мессер» сбил, напарника потерял. Лучший истребитель в эскадрилье, комсомолец, герой, наградной лист на него ушел в дивизию. Надо, товарищ капитан.

— Надо так надо, — безразлично согласился особист, зевнул и полез под койку. Достал бутылку без этикетки, взял со стола стаканчик, наметил ногтем невидимую риску и налил водку — подозрительно мутную, с резким и сложным запахом.

— Садитесь, товарищ лейтенант. Пейте залпом, не закусывайте. Затем закрывайте глаза.

Удивленный Кожухов хотел было спросить, зачем, но не стал — куда больше его волновал вопрос, сможет ли он выпить столько в один присест. Привычки к спиртному ему и на гражданке порой не хватало. Виногато глянув на Марцинкевича, он присел на колченогую табуретку, глубоко вдохнул и одним глотком выпил обжигающую рот жидкость. От едкого вкуса его чуть не стошнило, Кожухов поперхнулся, зажмурился и закашлялся.

— Не в то горло попало? — участливая рука похлопала его по спине, возвращая дыхание. — Смешной ты, Котя. Котеночек мой!

Раскрасневшееся ласковое лицо Таши возникло перед Кожуховым. Он сидел в своей комнате на Столешниковом за накрытым по-праздничному столом. Ветчина, икра, утка с яблоками, малосольные огурчики, мандарины, вишневый компот в графине. В углу поблескивала шарами наряженная слочка. Кудрявая Юленька в пышном розовом платице мурлыкала на диване, нянчила куклу, шепеляво уговаривая ее сказать «ма-ма». Упрямый Левушка пробовал встать на ножки в кровати, плюхался, но не плакал, только хмурил дедовские широкие брови, надувал губешки и снова поднимался, цепляясь за прутья. Старый Буран одышливо хрипел под столом, стучал по полу тяжелым хвостом, Кожухов чувствовал ногой его теплую спину. Тихонько играл патефон.

— Хочешь знать, что я тебе подарю? — улыбнулась жена.

— Нет, — покачал головой Кожухов. — До полуночи — не хочу, и тебе не скажу, пусть сюрприз будет.

— Умираю от любопытства, — призналась Тася и милым жестом поправила волосы. — А еще гадаю, каким он будет — сорок четвертый год. Так хочется в августе к морю, в Ялгу, с тобой вдвоем... Осенью Левушка пойдет в ясли, а я вернусь в библиотеку, начну работать. Буду вести

кружок юных читателей, заседать в комсомольской ячейке, запаздывать с ужином, ты станешь сердиться, разлюбишь меня и бросишь!

— Что ты за срунду несешь? — оставив бокал шампанского, Кожухов встал со стула, подхватил жену и закружил по комнате, покрывая поцелуями. — Милая, дорогая, лучшая в мире моя Тасенька, я тебя никогда не брошу!

Растрепавшаяся жена смеялась, отмахивалась: «Дети же смотрят». И правда, Юленька с Левушкой тут же подали голос. Кожухов подхватил их обоих, устроил «веселую карусель», потом плюхнулся на диван, щекоча малышей за бока, обнимая их горячие, доверчивые тельца. За тонкой стенкой выстрелило шампанское, загудели веселые голоса соседей. На улице медленно падал снег, засыпая белой солью московские переулки. Это был его дом, средоточие жизни, за которое стоило умирать. И убивать...

— Очнитесь, товарищ старший лейтенант! Приказываю — очнитесь! — Кожухов почувствовал резкий удар по лицу и вскинулся. Где-то далеко гудели моторы, ухали зенитки — шла ночная атака. Невозмутимый особист хлопнул его по плечу и подтолкнул к двери:

— Приступайте к несению службы!

— Есть! — козырнул Кожухов и вышел, нарочито чеканя шаг.

Марцинкевич скользнул за ним:

— Полегчало? Секретная разработка, брат! Только к летчикам поступает, чтобы злее фашистов били.

— А почему всем не выдают? — вяло удивился Кожухов.

— За особые заслуги положено, — подмигнул Марцинкевич. — Отличись в бою — вот тебе, боец, премиальные. Не отличишься — простую водку хлещи, глаза заливай, чтобы белого света не видеть.

— Ясно, — кивнул Кожухов. Хотя ничего ясного в этой истории не было. Еще несколько минут назад он был дома, обнимал жену, играл с детьми — и вот перед ним жаркая молдавская ночь, сонные часовые и взлетное поле аэродрома. Но помогло. По крайней мере, он воочию вспомнил, ради чего воевал и ради чего ему стоило вернуться живым.

Утро принесло неприятности — неожиданные и досадные. Подвел механик — не проверил движок. Сердитый Кожухов поднял Як, и в сорока метрах над землей мотор заглох. Чудом удалось развернуться и спланировать на поле. Машина уцелела, сам Кожухов сильно ударился лицом о приборную доску, вышиб зуб, но в остальном не пострадал. Он сидел в кабине, не поднимая стекло, видел, как бегут к самолету товарищи, как

спешит, подскакивая на кочках, машина с красным крестом. Кожухова трясло от близости смерти — первый раз за четыре года войны и семь лет полетов он проскользнул на волосок от гибели. И ощущение это странным образом разделило жизнь на до и после — сильнее, чем начало войны, сильнее, чем первый убитый друг. Да, он, Костя Кожухов, может стать кучей кровавого мяса в любой момент. Значит, жить надо так, чтобы ни единого дня не жалеть о прожитом. Чтобы у старого дома остался шанс устоять, чтобы дети наряжали елку в маленькой комнате и прятали подарки для мамы, надо летать выше...

Через три дня новый механик вывел на фюзеляже кожуховского Яка новую звездочку. Через два — они с Марцинкевичем начали летать вместе. Лейтенант пошел к Кожухову в ведомые и оказался прекрасным напарником — чутким, смелым, рассудительным и удачливым. Они слетались буквально за день, выписывая в ошеломленном небе бочки и петли. И когда в штабе округа заподозрили, что немецкие войска готовят контрнаступление, форсировав Прут, майор Матвеев не сомневался, кого отправить в разведку. Фотокамеру в отсек за кабиной — и вперед, соколы!

Их с Марцинкевичем вызвали прямо с киносеанса. Сигнала тревоги не было — значит, дело серьезное. На миг летчика охватила тревога: вдруг пришла похоронка. Кожухов помнил, капитану Окатьеву товарищ майор лично передавал письмо, оповещающее: «Ваш сын, рядовой Михаил Окатьев, погиб смертью храбрых в боях за Киев». Жена капитана с двумя младшими дочерьми пропала без вести еще в первые дни войны, сын оставался последним, и добряк Матвеев хотел смягчить удар.

По счастью, причина была проще.

— Вот здесь, товарищи летчики, — кривой палец майора провел по карте черту, — транспортный узел, станция, движение поездов идет постоянно. Вот здесь, за деревней, фальшивые огневые точки. Вот в этом лесочке наш разведчик засек замаскированные танки. А за этим болотом, по непроверенным сведениям, тщательно спрятан аэродром.

— Проверить, Степан Степаныч? — хохотнул Марцинкевич и надавил большим пальцем на мятый квадрат, словно раздавливая клопа.

— Поверить на слово. Тщательно все заснять, отметить на карте, привезти фотографии местности. В драки не лезть: еще успеете навесоваться. Самое главное — вернуться живыми и доставить данные. Все ясно? — Коренастый майор взглянул на настороженных летчиков. — А если...

— Обойдемся без «если», товарищ майор, — веско сказал Кожухов. — Справимся. На войне всегда помирает слабый. А мы вернемся. Вот только

просьба у меня есть. Фронтовые сто грамм с собой взять можно? Мало ли, ранят, собьют — хоть на дом посмотрю напоследок.

— Особисту скажу, пусть выдаст, — нехотя согласился майор и добавил короткую непечатную фразу. — Вернетесь с данными — по медали каждому будет. Марш!

Вылет назначили на четыре утра — самое тихое время. Новый механик, кривоногий казах — Кожухов никак не мог запомнить его заковыристую фамилию — сквозь зевоту пожелал им удачи. Заклокотал мотор, самолет вздрогнул, подчиняясь податливым рычагам. Счастливый Кожухов улыбнулся: миг взлета, отрыва от тверди до сих пор оставался для него чудом. Он мечтал о небе с того дня, как мальчишкой впервые увидел неуклюжий летательный аппарат. И всякий раз, когда пересечения крыш, дорог, рек и гор превращались в огромный клетчатый плат, простертый под крылом железной птицы, он вспоминал: «Сбылось!» От полноты чувств Кожухов заложил петлю, Марцинкевич последовал за ним, точно приклеенный. Будь это в августе сорокового, где-нибудь на московском аэродроме, как бы хорошо вышло покрутить фигуры высшего пилотажа в черном, прохладном, будто речная вода, небе...

Линию фронта они миновали легко. Темь стояла глухая, шли по приборам, Кожухов бегло сверялся с картой. Земля внизу казалась одинаково безразличной к войне и миру, словно большое животное со смоляной лоснящейся спиной. Ровный рокот моторов навевал неудержимую дрему; чтобы не клевать носом, Кожухов отламывал крохотные кусочки от большого ломтя пористого шоколада и сосал их, смакуя на языке горьковатый вкус. Он думал о Тасе, от которой уже две недели не было писем, о новенькой летной куртке, о глупой ссоре с капитаном Кравцовым, который спаивал молодых и бахвалился, что с похмелья садился за штурвал как ни в чем не бывало. О неподвижном взгляде убитого немца: молодой рыжеватый парень просто лежал навзничь посреди поля, как будто заснул, раскинув руки среди ромашек.

Летчику захотелось пить, рука потянулась к фляжке — и вдруг ослепительный свет резанул по глазам. Прожектор... второй, третий. Следом ударили зенитки. Самолет ощутимо трянуло. Не задумавшись, Кожухов резко толкнул штурвал от себя, заложил петлю и снова выскользнул в непроглядную темень. Ведомый ушел в другую сторону. Что-то бухнуло совсем рядом. Кожухов оглянулся: Марцинкевич горел, особенно яркое в темноте пламя билось под правым крылом, ползло по фюзеляжу, подбираясь к хвосту.

Испугаться за напарника он не успел — с ловкостью конькобежца дымящийся самолет скользнул в пике, накренился и сбил огонь. «Ай да Адам!» — с гордостью подумал Кожухов.

Судя по карте, машины шли в районе транспортного узла над Яссами. Фальшивая огневая точка оказалась более чем настоящей, хотя и торчала не совсем там, где указали разведчики. Осталось разобраться с аэродромом. Хорошо было бы угостить фрицев парой-тройкой очередей, но, увы... в следующий раз подадим вам, герр фашист, ранний завтрак. Кожухов оглянулся назад: ведомый не отставал пока, летел ровно, но надолго ли его на одном крыле хватит? Время шло к рассвету, темень вокруг кабины сменилась серым туманом, еще немного — и рейд из опасного превратится в самоубийственный. Недовольный собой, Кожухов собрался приказать «на базу», но Марцинкевич не стал дожидаться. Неожиданно он обогнал ведущего и в пике ушел вниз, к земле. Взревел мотор. «Неужели потерял управление?» — встревожился Кожухов, снижая высоту. Он ждал взрыва. Но вместо столба огня перед ним расстилалась болотистая луговина, поросшая мелким осинником.

Марцинкевич на бреющем прошелся над деревьями, заложил круг, другой, покачал крыльями — словно куропатка, которая притворяется раненой, отманивая лису от гнезда. И вот маскировочная сетка полетела в сторону, и три «фокке-вульфа» рванулись вверх за лакомой добычей — одиноким русским самолетом. Хитрец Марцинкевич таки раздражил их. «Волга-Волга, я Звезда! — закричал Кожухов в передатчик. — Волга-Волга, аэродром в квадрате четыре, как слышите? Прием!» И, едва дождавшись неразборчивого «я Волга», изо всех сил надавил на рычаг.

Первой же очередью он задел бензобак ближайшего «фокке-вульфа» и с удовольствием проследил, как дымящаяся машина вписалась в пруд. Двое остальных попытались взять его в клещи, пули чиркнули по стеклу кабины, пробили крылья, но не повредили мотор. Кожухов недолго думая ушел вверх, в молочную глубину облаков. Он ждал преследования, но второй «фокке-вульф» вдруг чихнул мотором и замер, а затем начал падать. От самолета отделилась темная фигурка, вздрогнул купол парашюта. Немцы часто сбивали выпрыгнувших русских пилотов, наши тоже, случалось, давали очередь. Кожухов брезговал.

Третий «фокке-вульф» ушел вверх. Кожухов ждал, что противник попробует сесть ему на хвост, — зря. Немецкий ас отследил, что самолет Марцинкевича медленней и не настолько маневрен, и тут же сцепился с ним. Хорошо было бы в свою очередь попортить ловкачу крылья, но

проклятый рычаг вдруг заклинило. Несколько драгоценных секунд ушло на то, чтобы справиться с управлением. Когда машина легла на курс, последний «фокке-вульф» уже уходил вниз, припадая на крыло: охоту драться фрицу, похоже, отбило. Аппарат Марцинкевича тоже вильнул, но выровнялся. Всё. Задание выполнено. Кожухов дернул рычаг на себя и увел самолет высоко в облака, туда, где медленно просыпалось большое солнце. Ведомый скользнул за ним.

Обратный путь оказался намного дольше — словно время, собранное в пружину, растянулось и повисло, выскользнув из часов. В голове Кожухова вертелась идиотская «Рио-Рита» из давешнего фильма, он против воли насвистывал: «Па-рам, па-ра-ра-рам, парам-парам-парам, па-ра-ра-рам», спохватываясь, замолкал и начинал снова. Линия фронта была уже близко. Сонный Прут колыхался внизу, патрули крутились у переправы, куда-то ползла колонна неуклюжих грузовиков. Кожухов опасался зениток, но им повезло и на этот раз — прячась в белобоких облаках, они проскользнули высоко над позициями противника. Дальше были свои. Оставались считанные километры до аэродрома — но Марцинкевич не дотянул. Самолет неуклюже приземлился на заброшенное картофельное поле, ткнулся в землю и затих. Не трата время на раздумья, Кожухов сел чуть поодаль, открыл кабину и, прихватив перевязочный пакет, поспешил к напарнику.

Лейтенант сумел поднять стекло кабины, но выбраться сам уже не смог. На красивых губах пузырилась розовая пена, лицо осунулось, стало белым, точно фарфоровое. Кожухов подхватил напарника, вытащил, положил на траву, осмотрел. Пулевое ранение в голень, ссадина на виске, кровь на гимнастерке... вот оно. Небольшое аккуратное отверстие в правой стороне груди. Похоже, задело легкое, и бинты тут особо не помогут. Госпиталь нужен, врачи, операция. Не дотянет...

— Плохи мои дела, Костя? — неожиданно спросил Марцинкевич и открыл глаза.

— Не дрейфь, старик, — попробовал улыбнуться Кожухов. — Бывало и хуже. Помнишь, как Федор горел? Приземлился, сапоги с кожей срезали, лица не было, за него и выпить успели. И ничего, очухался, подлечили — как новенький, до сих пор летает.

— Плохи. Мои. Дела, — повторил Марцинкевич и раскашлялся страшно, со свистом.

— Да, — помедлив, согласился Кожухов. — Плохи, но выжить можешь. Сейчас засуну тебя в кабину, и айда в госпиталь.

Марцинкевич поморщился:

— Знаешь, с детства врачей не любил. Если пора помирать — лучше здесь, под солнцем.

— погоди ты себя хоронить, — неуверенно произнес Кожухов. В глубине души он согласился с другом: лучше встретить смерть посреди поля, под стрекот кузнечиков, щебет птиц и грохот далеких взрывов, чем ловить последние глотки воздуха на госпитальной койке, в окружении стонов, крови, гноя и неистребимого запаха дезинфекции. Но, с другой стороны, в госпитале у друга был шанс. А здесь — нет.

У Марцинкевича случился новый приступ кашля. лейтенант застонал, вцепившись пальцами в мокрую гимнастерку, сплюнул кровь и попросил:

— Попить бы...

Кожухов сунул руку в карман — вместо привычной большой фляги там лежала маленькая, увесистая. Та самая.

— Сто фронтowych грамм есть. Хочешь? Заодно вспомнишь, зачем за жизнь зубами цепляться.

Утерев губы ладонью, бледный Марцинкевич приподнялся и прошептал:

— Убери!!! Не хочу. Нечего мне вспоминать и возвращаться некуда.

— Как это — некуда? — удивился было Кожухов и отпрянул, увидев, как страшно изменилось лицо друга, как сжались бледные кулаки и задрожали губы.

— Так это. Ад у меня за спиной. И не спрашивай, — выдохнул Марцинкевич, закашлялся и обмяк.

И вправду, с гражданки никто не писал красавцу поляку, он единственный равнодушно ожидал почтальона, ничего не рассказывал о родне и не мечтал, что станет делать, когда война кончится, уходя от разговоров под любимыми предложениями. Может, детдомовский? Или погибли все? Или... живо вспомнился черный автомобиль, шаги по лестнице и беспомощная фигура соседа-инженера в криво застегнутом пиджаке. Останемся живы, долетим — разберемся! Кожухов подхватил тяжелое, неуклюжее тело друга и поволок к машине. Кое-как загрузив Адама в кабину, он запустил мотор. Самолет тяжело взлетел, и, едва набрав высоту, Кожухов дал скорость. Может быть, повезет...

Он довез друга живым. Марцинкевич умер спустя два дня в госпитале, не узнав, что представлен к награде. Судьба Кожухова сложилась благополучно: он дошел до Германии, сбил еще пять машин, был дважды ранен, оба раза почти легко. День победы он встретил в Дрездене,

в переполненном госпитале: плакал вместе со всеми, целовал медсестер, танцевал вприсядку, кряхтя от боли в заживающих ребрах, обнимался, счастливо бранился. И еще несколько дней засыпал и просыпался с улыбкой, веря и не веря — впереди ждала новая, мирная жизнь.

...Победная открытка из Дрездена с белокурой фройляйн и размытыми тусклыми строчками на пожелтевшем картоне до сих пор хранилась у жены в ящике письменного стола.

В августе сорок пятого Кожухов демобилизовался, вернулся в Москву к жене и детям. Вместо ДОСААФ, по боевому знакомству, он устроился в «Аэрофлот», стал летать по стране, изучая на практике рельефы местности и чудные нравы, казалось бы, одинаковых советских людей. Дом круглился полною чашей: телевизор, холодильник, добротная мебель, заграничные костюмчики детям, хорошие туфли жене и мутоновая шубка ей же. В пятьдесят пятом они получили квартиру. Раз в году всей семьей ездили в Крым. Раз в году Кожухов в одиночку летал в санаторий в Друскининкай — вдали от бдительного ока супруги хорошо выпить и погулять вдоль моря, слушая монотонный шепот прибоя.

В День Победы в Москве собиралась почти вся бывшая эскадрилья — вспомнить войну, помянуть боевых товарищей. Один-два однополчанина остались потом погостить на недельку, бегали по магазинам, ходили в театры, по вечерам пили водку и пели военные песни, не замечая неодобрительных взглядов угрюмой хозяйки дома. Пару раз Кожухов ездил в Арзни к Сарояну, один раз выбрался в Харьков навестить Кожедуба, один раз летал в Иркутск на похороны Окальева.

Марцинкевича он вспоминал редко.

Дети росли хорошими, послушными, аккуратными. Белокурая душечка Юля носила пятерки, танцевала в ансамбле Дворца пионеров, ездила на гастроли, мечтала стать актрисой, но, провалившись в ГИТИС, проявила благоразумие и подалась в Институт культуры. Гордясь красотой дочери, Кожухов охотно тратил деньги на пестрые платья, элегантные пальто и через знакомую стюардессу доставал девочке тоненькие чулки в пестрых упаковках. Лобастый, упрямый Левка рос маменькиным сыночком, не доверяя отцу и опасаясь его. С матерью он секретничал, по малолетству ластился и обнимался, к нему не подходил никогда. Когда находилось время, Кожухов пробовал возиться с мальчишкой, строить модели аэропланов, гонять в футбол, но раз за разом складывалось ощущение — сын отсиживает повинность, как урок в школе. Со временем занятия сошли на нет. К семнадцати годам Левка превратился в колючего, язвительного

подростка, которого интересовала лишь музыка — новомодный, пронзительный, режущий уши джаз. В институт он не поступил, к весне намечалась армия. Устав от независимости и изысканной грубости сына, Тася вздыхала: может, форма его исправит.

Жена старела. Красиво, с достоинством, удерживая позиции батальонами баночек с кремами, пудрами, присыпками и другими дамскими штучками, одеваясь по моде, неброско и элегантно... Но шея уже сдалась, и морщинки около губ залегли глубоко, и седину раз в две недели приходилось закрашивать у парикмахера. Впрочем, все женщины, побывавшие в эвакуации, старились рано. Кожухов помнил, сколько пришлось перенести Тасеньке, и жалел ее, стараясь не замечать признаки возраста и перемены в характере. Он видел, что увядающий блеск красоты затмевает жене глаза, что успехи любимой районной библиотеки и заседания общества книголюбов ей стали важнее дома, но не упрекал: ему ли с его полетами обижаться на супругу за невнимание? Дважды в год по традиции Кожухов водил Тасю в театр, в день свадьбы заказывал столик в «Метрополе», дарил цветы. И все.

У него оставалось небо. Могучая послушная машина, по мановению рук уходящая в высоту, острая радость скольжения — прочь от тверди. Бесконечные облака, гул ветра, рокот моторов, пестрые сети маршрутов — Кожухов не уставал любоваться живым лоскутным одеялом земли и громадным бесплотным воздушным пространством. От немыслимой высоты — тысячи метров вниз, за хрупкой тоненькой перегородкой дна — всякий раз покалывало под ложечкой. Он срастался с машиной, почти воочию чувствуя, как по жилам течет бензин, ребра держат борта, а мускулы двигают лопастями моторов. Кожухов ощущал себя властелином, хозяином жизни сотен людей, доверившихся ему в тот миг, когда они поднялись на борт. Только он мог доставить этот груз из точки А в точку Б, минуя облачность и зоны турбулентности, не давая крыльям обледенеть, а приборам — сбиться с курса. И, когда после объявления «Наш самолет успешно приземлился в аэропорту...» пассажиры поднимали радостный гомон, он гордился собой.

Первые мирные годы Кожухов скучал по фигурам высшего пилотажа, потом привык.

Время текло неспешно и ровно, как полет по знакомой трассе. Жена работала, задерживалась допоздна в библиотеке, приносила почетные грамоты в рамочках, со дня на день ожидала места заведующей. Дочь училась, плясала, беспечно болтала по телефону о чем-то, звонко смеясь

СОДЕРЖАНИЕ

Наши павшие — как часовые	3
<i>Ника Батхен. Огонь!</i>	4
<i>Ефим Гамаюнов. Мороз Красный</i>	19
<i>Найя Диним. Плоский человек</i>	35
Варианты	47
<i>Григорий Панченко. Licet bovi</i>	48
<i>Александр Белкин. Ошибка</i>	70
<i>Егор Альтегин. Выдумщик</i>	86
<i>Виктор Колюжняк. Солдатская вьюга</i>	95
<i>Юлия Зонис. Говорящий с ветром</i>	104
<i>Юрий Иванов. Разбудите Херцина!</i>	120
<i>Ирина Соколова. Лесник и немцы</i>	139
<i>Дарья Странник. Слезы для Крига</i>	148
И любовь, и кровь	153
<i>Далия Трускиновская. Тайный березовый знак</i>	154
<i>Евгения Халь, Илья Халь. Влюбленная пуля</i>	165
<i>Игорь Вереснев. Люрики во все времена</i>	178
<i>Ирина Лунинская. Не всем рекам</i>	195
<i>Дмитрий Осин. Взаимодействие</i>	199
А до смерти четыре шага	215
<i>Сергей Игнатьев. Маяк для Нагельфара</i>	216
<i>Андрей Якушкин. Три звездочки, три косточки</i>	239
<i>Валерий Генкин. Историк</i>	262
<i>Андрей Чесман. Спасибо деду за победу</i>	272

Дальний прицел.....	289
<i>Евгений Шиков.</i> Все обрыдаются.....	290
<i>Владимир Васильев.</i> Оккупанты.....	301
<i>Андрей Загородний.</i> Практикант.....	318
<i>Борис Богданов.</i> Точечные воздействия.....	327
<i>Юрий Максимов.</i> Случай в ломбарде.....	337
Иная сторона.....	343
<i>Станислав Стрыгин.</i> Тоннель Знамение.....	344
<i>Вячеслав Ледовский, Екатерина Романенко</i>	
Крайний трек: тайна U-977.....	359
<i>Дмитрий Никитин.</i> Пусть все кругом горит огнем.....	369
<i>Витольд Зайчонски.</i> Узел.....	372
За воротами гетто.....	377
<i>Елена Лаевская.</i> Кукла товарища Берии.....	378
<i>Инна Девятьярова.</i> Это было в Любавичах.....	382
<i>Григорий Панченко.</i> Смерть Геометрии.....	389
Старые страницы.....	399
<i>Ефим Зозуля.</i> Заседание правления	
Мастерской Человеков.....	400
<i>И. Нечаев (Яков Пан).</i> Белый карлик.....	412
<i>Герберт Уэллс.</i> Ураган последней войны.	
Бродячая смерть.....	427
<i>Фернан Дюмон.</i> Влияние солнца.....	445
<i>Гилберт Кит Честертон.</i> Месть статуи.....	452

БИТВА ЗА БУДУЩЕЕ

Повести и рассказы

Ответственный редактор А. Васьюк

Технический редактор Г. Логвинова

Верстка: М. Курузьян

- RU/BY** **Битва за будущее.** Формат: 60×90/16. Тираж 3 000 экз. Заказ № Издатель и изготовитель: ООО «Феникс». Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150. Тел./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50. Изготовлено в России. Дата изготовления: 08.2025. Срок годности не ограничен. Отпечатано в ПАО «Можайский полиграфический комбинат». Юридический и фактический адрес: 143200, Россия, Московская обл., г. Можайск, ул. Мира, д. 93.
- KZ** **Болашақ үшін шайқас.** Форматы: 60×90/16. Таралымы 3 000. Тапсырыс № Баспагер және дайындаушы: «Феникс» ЖШҚ. Заңды және нақты мекенжайы: 344011, Ресей, Ростов обл., Дондағы Ростов қ., Варфоломеев к-сі, 150 үй. Тел./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50. Ресейде дайындалған. Дайындалған күні: 08.2025. Жарамдылық мерзімі шектелмеген. Басылды «Можайск полиграфиялық комбинаты» ҚАҚ. Заңды және нақты мекенжайы: 143200, Ресей, Мәскеу обл., Можайск қ., Мира к-сі, 93 үй.
- BY** **Бітва за будучыню.** Формат: 60×90/16. Тыраж 3 000. Заказ № Выдавец і вытворца: ТАА «Феникс». Юр. і факт. адрес: 344011, Расія, Растоўская вобл., г. Растоў-на-Доне, вул. Варфаламеева, д. 150. Тэл./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50. Выраблена ў Расіі. Дата вырабу: 08.2025. Тэрмін прыдатнасці не абмежаваны. Надрукавана ў ПАТ «Мажайскі паліграфічны камбінат». Юрыдычны і фактычны адрас: 143200, Расія, Маскоўская вобл., г. Мажайск, вул. Міру, д. 93.